

К Р О К О Д И Л

АНТОНЕСКУ
ПЕРЕЛОМ
РУКИ, НОГИ
И ЧЕЛЮСТИ

ХОРТИ
ПЕРЕЛОМ
КОСТЕЙ

МАННЕРГЕЙМ
ПЕРЕЛОМ
РУК И НОГ

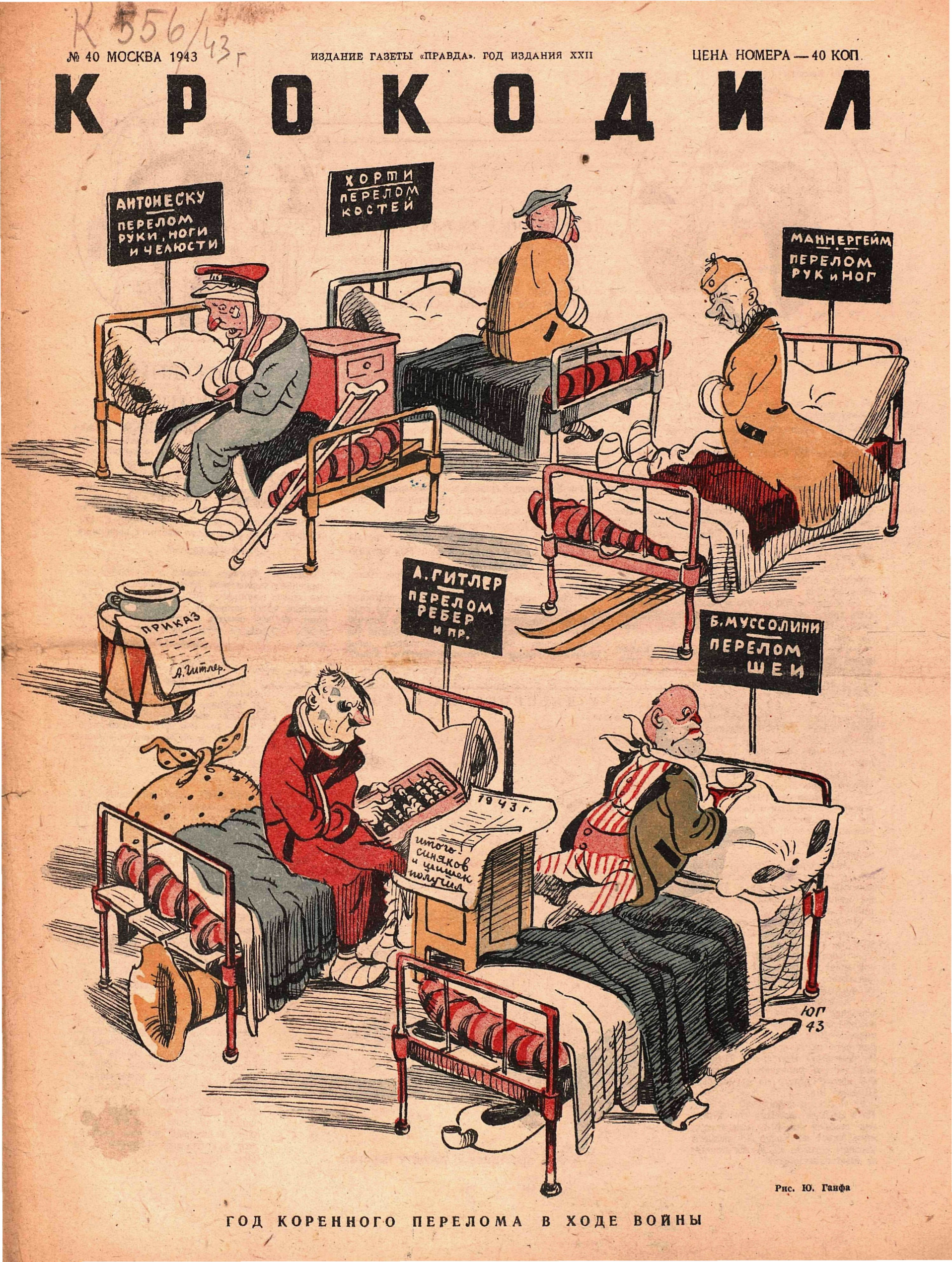
А. ГИТЛЕР
ПЕРЕЛОМ
РЕБЕР
И ПР.

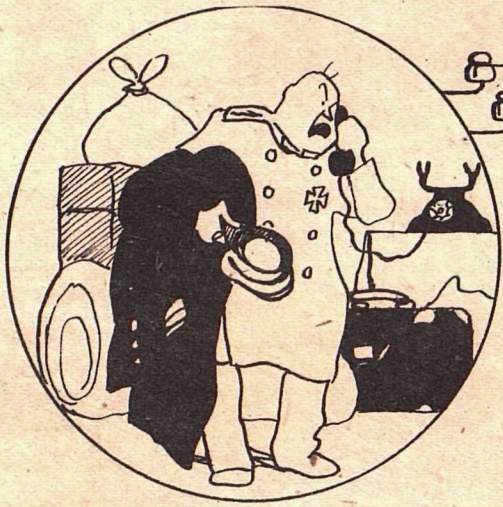
Б. МУССОЛИНИ
ПЕРЕЛОМ
ШЕИ

ПРИКАЗ
А. Гитлер.

1943 г.
итого-
связков
и циншек
полугин

ЮП
43

ПЕРЕКЛИЧКА ГАУЛЯЙТЕРОВ

— Как у вас на Украине?
 — Всё согласовали. Остаётся только увязать.
 — А у вас в Белоруссии?
 — Тоже согласовали. Остаётся увязать.

Среди палачей

БЫЛО, как говорится, далеко за полночь. Три немецких палача — старые маститые гестаповцы Шмерке 1-й, Шмерке 2-й и Шмерке 3-й — сидели, пили коньяк и разговаривали.

Лица у палачей были расстроенные, хмурые; руки, державшие рюмки, дрожали.

— Не надо унывать, господа! — сказал Шмерке 1-й, который был оптимистом. — Давайте сообща подумаем, где мы можем скрыться, когда нас... того... В конце концов, земной шар велик! Что вы скажете насчёт индийских джунглей? Там нас ни одна собака не найдёт!

— Сама собака, может, и не найдёт, но англичане с собаками найдут! — мрачно отозвался Шмерке 2-й.

— Я где-то читал, что в бассейне Амазонки есть такие места, где не ступала человеческая нога, — мечтательно сказал Шмерке 3-й, — туда бы нам — в трущобу!..

— Вы не знаете американцев! — снова подал голос Шмерке 2-й. — Уже через месяц в этой трущобе будет построен отель с рестораном, и люди будут говорить туристам:

«Обратите внимание, леди и джентельмены, на эту пещеру. Именно здесь знаменитый сыщик Джон Смит нашёл и арестовал Шмерке 3-го».

— Почему Шмерке 3-го? — нервно сказал Шмерке 3-й.

— Ну, Шмерке 1-го, — сказал Шмерке 2-й.

— Джунгли и Амазонка отпадают! — подвёл итог Шмерке 1-й. — Но у нас имеется в запасе Беловежская пушча! Заберёмся в болота, в чащу, где живут одни медведи.

— Вы идиот! — сказал Шмерке 2-й. — Это же Белоруссия! Там каждый куест — наш враг. Первый же медведь, который нас увидит, пойдёт и донесёт...

Палачи замолчали и стали уныло глядеть на потолок. Потом Шмерке 1-й сказал:

— Чорт бы подрал этот земной шар! Посмотришь на него — как будто он большой. А податься некуда.

— Океанов, главное, много! — ворчливо заметил Шмерке 2-й, рассматривая карту земных полушарий. — Вон воды сколько!.. А для чего океан нужен порядочному человеку? Непонятно! Под водой же не спрячешься. Что вы всё время ёрзаете на стуле, герр Шмерке 3-й?

— Я где-то читал, что на Крите в древние времена преступников сажали на кол. Вдруг они меня будут на Крите по древним законам судить, а? А вы почему за шею схватились?

— Гильотину почему-то вспомнил: я ведь во Франции работал.

— Что касается меня, то я в лучшем положении, — сказал Шмерке 2-й, — меня просто расстреляют, поскольку я работал в России.

— Это ещё не известно. Я где-то читал, что они в Краснодаре повесили наших друзей!..

— Неужели мы нигде не можем от них скрыться?! — вскрикнул Шмерке 1-й.

— Нигде! — констатировал Шмерке 2-й. — Они же ясно пишут: «Найдём на краю света!»

И вдруг Шмерке 1-й, который был оптимистом, весело рассмеялся.

— Вы что-нибудь придумали? — обрадовался Шмерке 3-й.

— Нет! — сказал Шмерке 1-й. — Я вспомнил про Шмерке 4-го. Нам ещё ничего, а он ведь работал и на Крите, и во Франции, и в России! Значит, его будут по всем странам возить! Вы представляете, что от него останется, когда его после Франции и России привезут на Крит?!

Леонид ЛЕНЧ

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

СТОКГОЛЬМ. Только что здесь стало известно, что германский генерал от вещания Дитмар в своём очередном обзоре сказал следующее: «Кто утверждает, что мы бежим? Мы стоим! А то, что мы стоим не перед Днепром, а перед катастрофой, — это факт чисто местного значения».

—

БЕРЛИН. Касаясь вопроса о последних достижениях германской армии, немецкие военные круги сообщают, что, оставив Киев, германские части достигли новых рубежей сбороны, но это отнюдь не говорит о том, что немцы собираются останавливаться на достигнутом.

—

ЖЕНЕВА. Как здесь стало известно, в связи с объявленными в Берлине гастролями доктора Шпука, выступающего в цирке с чтением мыслей на расстоянии, большое число берлинцев спешно выехало из города в неизвестном направлении.

—

БЕРЛИН. По сообщению из официальных кругов, в целях поддержания духа германского населения министерством пропаганды установлены новые термины для германских военных сводок: а) «отступленьице», б) «пораженьице», в) «прорывчик», г) «отходчик», д) «потеречки».

—

ЯЛТА. По сообщениям из хорошо осведомлённых источников, здесь состоялся съезд Германского общества спасения на водах. С кратким докладом «Наши ближайшие задачи» выступил капитан Отто фон Утоплиц.

—

БЕРЛИН. Взамен изъятых и уничтоженных сочинений Генриха Гейне в берлинском издательстве «Мусор-Бух-Верке» вышла брошюра Макса Шмальца «Зимняя сказка». В брошюре использованы материалы доклада Геббельса о готовности Германии к новой зиме. Брошюра отлично издана. Обращает на себя внимание переплёт, в который попало германское руководство. Брошюре грош цена.

У ДНЕПРОВСКИХ ПОРОГОВ

Рис. И. Семёнова

— Мы простимся с тобой у порога...

Чуть-чуть не считается

НЕЛЬЗЯ сказать, чтоб в этот час Адольф Гитлер мог позавидовать своему тёжке Адольфу Кутцу.

Представьте себе звёздную осеннюю ночь где-то на правом берегу Сожа. И представьте себе огромную лужу. И ещё представьте себе, что дует холодный, пронзительный ветер. И уж будьте любезны до конца и представьте себе далее, что кругом пустынно—ни души.

А сейчас, поскольку вопрос о пейзаже нами уточнён, разрешите сообщить, что в той самой луже лежит Адольф Кутц и мысленно перелистывает подмоченные страницы своей биографии.

Как он попал сюда? Специально, что ли, прибыл из Германии, чтоб в белорусской луже заняться мемуарами? И почему он улёгся на сквозняке, на таком несколько сыроватом ложе?

«На проклятые вопросы дай ответы нам прямые...»

«...Выберусь ли я из лужи? Есть кое-какие основания полагать, что этот водный рубеж мне не одолеть.»

Нога... Чортова пуля глубоко вклинилась в бедро. А немецкому солдату сейчас особенно нужны две ноги—на то и эластичная оборона.

А ведь я чуть-чуть не спасся.

Чуть-чуть... Но недаром говорят: чуть-чуть не считается.

Вся моя жизнь, можно сказать, прошла под знаком чуть-чуть.

Я чуть-чуть не стал богачом. У меня был лотерейный билет. Не хватило лишь одной единицы, чтоб выиграть пятьдесят тысяч марок.

Чуть-чуть не поступил в университет. Помешала бабушка. То есть не столько бабушка, сколько дедушка. Да и сам дедушка тут не виноват, а всё дело в его тётушке. Эта тётушка, царство ей небесное, вышла замуж сто пятьдесят лет назад за пивовара. Вот у пивовара и оказалась какая-то плохая примесь. Не в пиве, а в крови. Меня признали неполноценным арийцем и в университет не приняли.

С горя я чуть-чуть не женился. Её звали Берта. Она в меня страстно влюбилась. Но его звали Курт и он был штурмовик. Он пригрозил мамаше Берты, что прикроет её лавочку. Перед нежной Бертой был не-

большой выбор: или я или лавочка. Она отдала своё сердце лавочке—и теперь она жена штурмовика.

Началась война. Я чуть-чуть не поступил на военный завод. Но для этого надо было кому-то дать тысячу марок. Я знал, кому надо дать. Я знал, как надо дать. Я знал, где надо дать. Я только не знал одного: где взять.

Я стал солдатом. Я чуть-чуть не попал во Францию—тишина, Лаваль и спокойствие. Но счастье опять не пожелало мне улыбнуться: меня послали в Россию.

Наша дивизия наступала. Я чуть-чуть не вошёл в Москву. Ей-ей, вошёл бы, если бы русские не воспротивились.

Дальше начинается сплошное чуть-чуть.

Я чуть-чуть не побывал в Ленинграде. Чуть-чуть не попал на Кавказ. Чуть-чуть не стал фермером на Дону. Чуть-чуть не получил тёплое местечко в харьковской комендатуре. Чуть-чуть не стал владельцем шахты в Донбассе.

Чуть-чуть не уехал домой после контузии. Но по дороге меня и многих других раненых солдат сняли с поезда и заставили чуть-чуть повоевать в Белоруссии.

Мы чуть-чуть не закрепились на восточном берегу Сожа. Ей-ей, закрепились бы, если бы русские не воспротивились. Говорят, что точно такое же недоразумение произошло и на Днепре: наши там чуть-чуть не закрепились на левом, а потом на правом берегу.

Как видно, фюрер чуть-чуть просчитался...»

...Повторяем: нельзя сказать, чтоб в этот час Адольф Гитлер мог позавидовать своему тёжке Адольфу Кутцу. В интересах справедливости добавим: нельзя сказать, чтоб и Адольф Кутц в этот час мог позавидовать своему тёжке Адольфу Гитлеру: оба Адольфа сидят в луже, а какая из этих луж чуть-чуть больше и глубже?

Г. РЫКЛИН.

«Сообщники гитлеровской Германии по грабежу, ещё не так давно покорные своему хозяину, ныне, когда пришло время ствечать за разбой, смотрят в кусты, выбирая удобный момент, чтобы незаметно улизнуть из разбойничьей пайки».

(И. СТАЛИН.)

Рис. Кукрыныксы

КУКРЫНЫКСЫ
43

Артель «кустарей»

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

Фашистская газета «Фелькнишер Beobachter» сообщает, что в развитии войны Германия остановилась на «мёртвой точке».

«Мы готовим наступление!»,
«Мы отбили все атаки!» —
Доктор Габбельс ставил в
сводках
Восклицательные знаки.

Но за валом небывалым
Не укрылась вражья стая,
И на этот раз у немцев
Получилась запятая.

После нового провала
Присмирели забияки,
В их газетах появились
Вопросительные знаки.

Сдав Кубань и Приднепровье
Без особой проволочки,
Фрицы пишут: «Что нам делать?»
Мы дошли до мёртвой точки...»

Бей, товарищ, вражью силу —
И гуртом и в одиночку,
Чтоб загнать их всех в могилу
И потом поставить точку.

Мих. МАТУСОВСКИЙ

Рис. В. Васильева
Действующая армия.

В ГЕСТАПО

— Итак, выньте у немца мозги,
чтобы он не думал лишнего, залепите глаза, чтобы не видел лишнего, законопатьте уши, чтобы не слышал лишнего, и закройте рот, чтобы не болтал лишнего.

— А нос?
— Оставьте его с носом, чтобы было, за что водить.

О. Б.

Ни пуха, ни пера!

УТРО. Серенький летний денёк. Над полевым аэродромом серые, свинцовые облака. Моросит тёплый дождик.

Под кустами орешника, в палатке, накрыт стол, но лётчиков не видно. Они ушли из село. Сегодня нелётная погода. Только капитан Морозов одиноко сидит за столом и дописывает письмо домой. Временами в палатку заглядывает заведующая столовой Галина Ивановна.

— Ну и погода! — говорит ей Морозов.

— Сплошная облачность, — отвечает Галина Ивановна. — Все лётчики на село ушли. И наши и французы... Один Мишель тут отсыпается.

В эту минуту из блиндажа выходит черноволосый молодой человек — лётчик эскадрильи «Нормандия». Он в чёрной блузе, чёрной пилотке, с ленточками боевых орденов на груди. Ниже правого плеча у него вышито слово «Франс» — «Франция».

В три прыжка он добегают до палатки, здоровается по-русски и говорит Галине Ивановне:

— Молоко не надо... Надо чай... Спасибо.

— Вы делаете успехи, Мишель, — говорит по-французски Морозов, он переводчик эскадрильи французских лётчиков. — Я вижу, вы совсем хорошо говорите по-русски.

— Я знаю шестьдесят шесть самый нужный русски слова... — отвечает Мишель Дюнуа. — Я знаю «здравствуйте», «до свиданья», «хорошо», «спасибо», «не надо», «Дуся», «милая», «люблю»... и много другие слова.

Вдруг внимание Мишеля Дюнуа привлекает странное шествие. Впереди идёт повар с ведром, потом один из механиков, тоже с ведром, и замыкает шествие радист эскадрильи.

— Куда они собрались? — интересуется Мишель.

— На озеро, за рыбой...

— Почему я не вижу удочек?

— Зачем удочки, когда есть гранаты, — отвечает переводчик, — они будут глушить рыбу гранатами...

«Как странно! — думает Мишель. — Надо запомнить, — оказывается, в России рыбу удят гранатами».

Тем временем капитан Морозов кричит вдогонку рыболовам:

— Ни пуха, ни пера!

— «Ни пуха, ни пера», — повторяет вслух незнакомые слова Мишель Дюнуа. — Это какие-то новые слова, я ещё не слышал таких слов.

И он достаёт карманный словарь и через минуту уже знает, что значит по-русски «пух» и что значит «перо»... Но при чём тут перо и пух, когда люди идут на рыбную ловлю? Всё-таки очень трудный русский язык...

Но нет времени раздумывать над этим. Нелётная погода, и надо воспользоваться свободным днём.

Капитан Морозов и Мишель Дюнуа едут на быстром «Вилисе» за тридцать километров. Там, у переднего края обороны, лежит в болоте сбитый вчера Мишелем «мессершмитт». Надо посмотреть, что от него осталось. Выясняется, что от немца ничего не осталось, он сгорел как спичка. Ровно через час капитан Морозов и Мишель Дюнуа сидят в блиндаже у командира стрелкового полка. Командир полка рад гостям и приглашает их по русскому обычаю отобедать, «чем бог послал»: (Оказывается, «бог послал» командир пары диких уток.) Ещё до обеда в блиндаж входят два складных и рослых бойца, и командир полка говорит Морозову:

— Переведите француззу: это мои орлы из команды разведчиков. Ночью они пойдут в тыл к немцу, за «языком»...

Затем командир обращается к разведчикам:

— Ну, орлы, подзаправьтесь как следует, выспитесь и ночью дайте в лес... Ни пуха вам, ни пера...

«Опять это «перо» и «пух»! — думает Мишель Дюнуа. — Люди пойдут в разведку — при чём тут перо и пух?»

Но он не успевает расспросить, что означают эти загадочные слова. Капитан Морозов видит голубой просвет в облаках, и в ту же минуту оба лётчика прешаюются с командиром полка, прыгают в свой юркий «Вилис» и мчатся домой, на аэродром.

Однако погода снова портится.

Капитан Морозов просит забросить его по пути в село: ему надо в военторг. Мишель остаётся один и поворачивает на аэродром. В пути он встречает двух незнакомых ему бойцов-бронбойшиков и старшину. Они с изумлением смотрят на чёрную пилотку, чёрную блузу и знаки различия французского лейтенанта-лётчика.

— Здравствуйте, — говорит Мишель.

— Здравствуйте, — отвечают бойцы.

Затем Мишель напоминает все ему известные русские слова.

— Этот медаль... за что? — спрашивает он у черноусого бойца.

— За Сталинград.

— А, Сталинград!.. Сталинград!.. — уважительно произносит Мишель.

— А вы из каких будете? — всматриваясь, пытливо спрашивает старшина.

И Мишель снова перебирает в памяти все известные ему русские слова:

— Лиетенан... лиётчик... Де Голль! — восклицает он в поисках слов и видит, как бойцы оживлённо закивали головами.

— Так бы и сказали Де Голль! Вот и договорились... Лётчики тут стоят, французы, вместе с нами бьют фрицев.

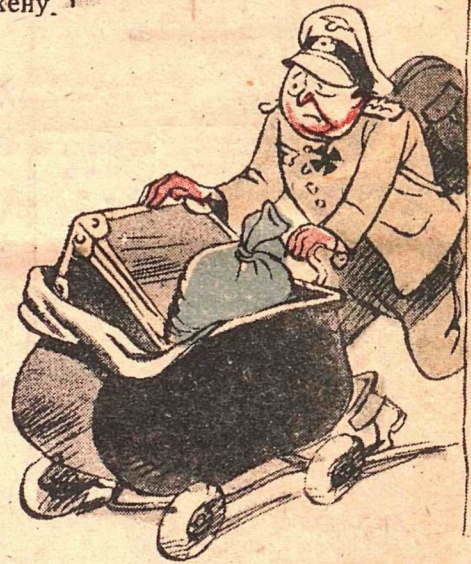
— Вместе! — обрадовавшись, восклицает Мишель. — Я вчера один фрис... — и он делает крест в воздухе.

— Бедный Берг потерял в Крыму 80 кило.

— Неужели он так похудел?

— Нет, ему не удалось вывезти из Ялты свою жену.

— Герр полковник обещал подать мне виллу, но по всему видно, что отдаст её русским.

— Сбил одного? Правильно! Видать, боевой... Ни пера, как говорится...

«В третий раз эти «перо» и «пух»! Какой трудный! Надо будет непременно спросить у Морозова, что долго рассуждать не приходится: тучи уходят, через полчаса он уже в воздухе на своём «Яковле» его идёт капитан Морозов. На двадцатой минуте он чают немца — это бронированный корректировщик. Они берут его в щипцы. Мишель, настроив радиозова, кричит ему по-русски: «Ближе! Ближе! Кончено!»

Немец камнем летит вниз, и от немецкой брони летят пух и перья.

Мишель и Морозов садятся на аэродром, к ним ханики, зенитчики, Галина Ивановна и Дуся Са эскадрильи. Мишеля Дюнуа поздравляют с пятой говорит, что это не только его удача, но и капитана.

Всё же он очень доволен сегодняшним днём и тем, что его поздравляет Дуся Семёнова.

Конец виноградного сезона.

рить
о он

Ну, ни пуха вам,
...русский язык!
...это значит...» Но
...блеснуло солнце;
...ве», и чуть выше
...полёта они встре-
...«Хейнкель-126».
...на волну Моро-
...Хорошо! Спасибо!
...рованной машины
...бегут люди: ме-
...еменова, военврач
...победой, но он
...ана Морозова.
...особенно доволен

— Дуся,— говорит он,— сегодня вечером пойдём танцевать офицерский клуб...
— Плохо я танцую,— скромничает Дуся.
— Вы танцуете, как Уланова!— говорит Мишель.— Правда, Морозов?
— Танцуйте. Ни пуха вам, ни пера!
— Опять!— восклицает Мишель Дюнуа и хватается за локоть Морозова.— Послушайте, Морозов, скажите мне, наконец, что это значит по-русски: «Ни пуха, ни пера»?
И капитан Морозов объясняет Мишелю, что это — русское пожелание удачи и счастья.
— Вы знаете: это приносит удачу! Клянусь, это пожелание приносит удачу. Надо заучить его. Как это вы говорите? «Ни пуха, ни пера»?
Перед закатом солнца по всему аэродрому разносится голос Мишеля Дюнуа, его слышат все французы, все лётчики-истребители:
— Алло, Жан! Алло, Поль! Алло, Пьер! Ни пуха, ни пера! Ни пуха, ни пера!..

Л. НИКУЛИН

КОТЕЛОК

Много есть интересных находок
На любой из военных дорог.
Вот недавно во время похода
Я солдатский нашёл котелок.
Он лежал на краю деревушки,
Исковерканный весь оттого.
Что колёса какой-нибудь пушки,
Очевидно, задели его.
Котелок куда не годится,
Но его я исправил, как мог...
И задумали мы убедиться,
Как же будет варить котелок...

Первым делом картошку сварили.
В котелке разварилась она.
После этого чай смастерили —
Котелок осушили до дна.

И в наплыве табачного дыма
Сделал вывод бывалый стрелок,
Что для воина всё достижимо,
Лишь бы только
«Варил котелок»!

Сергей СМИРНОВ

Действующая армия.

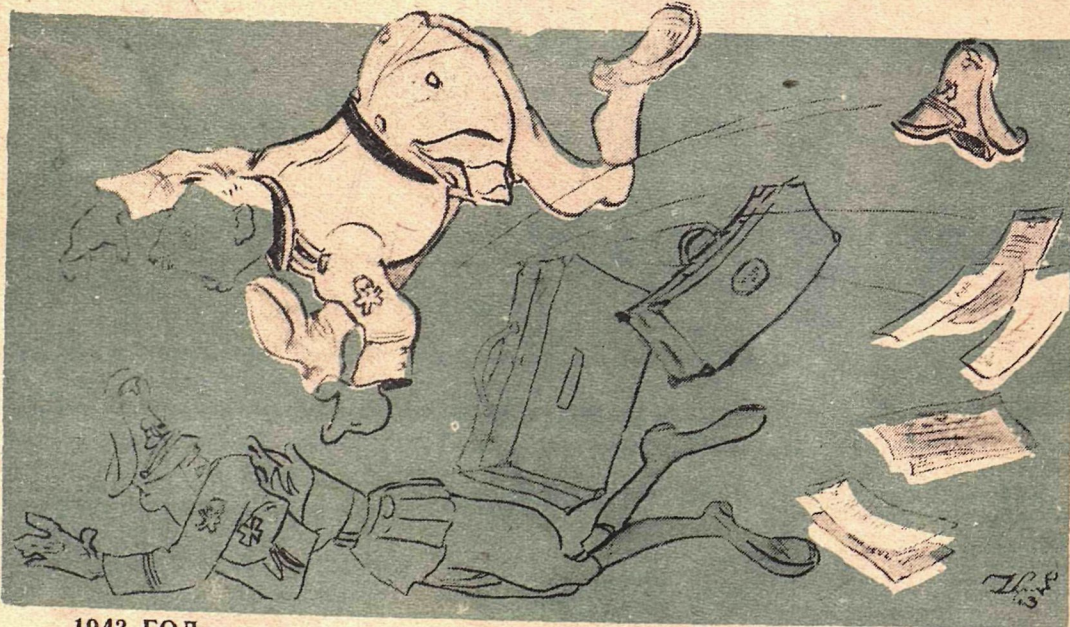
1941 ГОД

— Гох!..

1942 ГОД

— Кох!..

1943 ГОД

— Ох!..

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Как ты думаешь: знают ли работники Московского телеграфа, что тов. Потёмкин — народный комиссар просвещения и что Наркомат просвещения помещается в доме № 6 на Чистых прудах?

«Конечно, знают. Не маленькие», — с присущей оптимистичностью ответишь ты.

А если знают, то почему же в таком случае мою телеграмму-молнию, адресованную: «Москва, Чистые пруды, 6, Наркомпрос Потёмкину», — они не доставили по назначению и сообщили: «Ваша телеграмма не доставлена. Адресат по указанному адресу не проживает».

А ты говоришь: знают. А ты говоришь: не маленькие.

Хуже маленьких!

М. ПОРУЧИКОВА

г. Асбест, Свердловской области.

Уважаемый Крокодил!

На станции Рузевка вам ни за что не получить билета ни на один транзитный поезд без справки о том, что вы прошли санобработку в санпропускнике.

Если даже до отхода поезда у вас всего несколько минут, не беспокойтесь: вся санобработка продолжится не больше минуты. И стоит эта процедура всего один рубль.

Казалось бы, пассажиры должны быть довольны: ведь всё делается для их удобства. Но находятся чересчур придирчивые граждане, которые за свой рубль хотят получить максимум удовольствия и (подумайте только!) требуют настоящей санобработки — с настоящим горячим душем, с сушилкой.

Такие чрезмерные претензии ставят в безвыходное положение местный санитарный надзор, так как, кроме рублёвых справок и двух сотрудниц, выдающих эти справки, никаких других агрегатов в пропускнике нет и в помине.

Н. АНСЕРОВ

Дорогой Крокодил!

Горе мне одинокому! Не могу никак попасть в театр. В Центральной городской театральной кассе продают только по два билета.

Выручи меня, и пойдём вместе в театр. Не жениться же мне в самом деле по прихоти театральной кассы!

О. ВАСИЛЕВСКИЙ

г. Москва.

ТЯЖЕЛЫЙ СЛУЧАЙ

Рис. А. Капеевского

— Суп в столовке я поела
И второго я ждала.
Я сидела, посидела, —
Так и молодость прошла.

Без намёков...

СУДЕБНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Мы, нижеподписавшиеся, народный судья первого участка Уржумского района, Кировской области, Петрушев Семён Иванович и народные заседатели Хромскова и Рычков, во внесудебном своём заседании вынесли следующее определение:

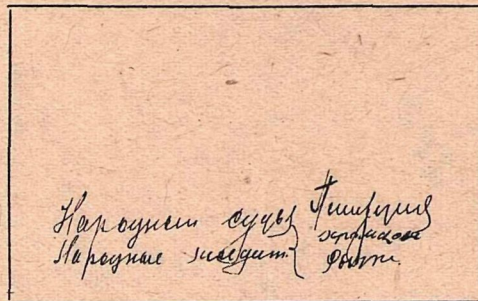
1. В целях всемерной рационализации судопроизводства личное присутствие народных заседателей при разборе дел считать необязательным. Нижеподписавшиеся пришли к заключению о необходимости заготовить впрок чистые бланки скрепленные нашими собственноручными подписями, для составления приговоров, кои поименованный выше народный судья имеет вынести в меру своих разумений.

2. Незаполненный бланк с нашими подписями прилагается при сем в качестве вещественного доказательства нашей безответственности и направляется в Крокодил для

всеобщего изучения. Настоящее определение — не окончательное и подлежит немедленному обжалованию и отмене в Кировском областном суде.

Народный судья ПЕТРУШЕВ,
народные заседатели: ХРОМСКОВА,
РЫЧКОВ.

Приложение:

СТАНКОВАЯ ВОЛОКИТА

Станковая живопись, как известно, — это нечто фундаментальное, большое.

А сейчас стараниями группы работников Наркомата текстильной промышленности возник новый вид художества — станковая волокита.

Ещё в прошлом году, 14 февраля, Наркомат особым приказом предложил выделить станки для ремонтных мастерских. В этом приказе был даже установлен срок — 10 дней, в которые и следовало «наметить меры по усилению станочного парка ремонтных мастерских».

Только на 265-е сутки технический отдел Наркомата ответил: «Станков нет».

После этого прошло еще 322 дня и 322 ночи, и 13 августа 1943 года в Народном

комиссариате текстильной промышленности снова был издан приказ: в течение августа — сентября установить и пустить в эксплуатацию станки...

Август давно прошёл. Сентябрь тоже канул в вечность. Октябрь поспешил за сентябрём, а станки...

Станковая волокита не имеет ничего общего со станковой живописью. Но станковая волокита в Народном комиссариате текстильной промышленности, бесспорно, заслуживает быть запечатлённой в станковой живописи как нечто монументальное. Ведь от начала этой волокиты прошло уже свыше 600 дней и 600 ночей.

До 1001 ночи, как видите, осталось совсем немного.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ РЕБУС

Не пытайтесь его отгадать. Всё равно ничего не получится. Уж как были заинтересованы в решении этого ребуса работники Билимбаевского леспромхоза (Свердловская область), и то у них ничего не вышло. Гадали-гадали и в конце концов поехали в Нижне-Сергинский район, к директору Атигского завода — автору ребуса — за отгадкой.

— Эх вы, чудачки! — усмехнулся директор. — Всё очень просто. Вам телефонная проволока нужна?

— Нужна! — бодро ответили леспромхозовцы. — Мы же вам писали, просили протянуть из нашего сырья...

— Пожалуйста, — сказал директор. — Вы мне писали, и я вам писал: десять телег плюс три кубрун плюс мыло плюс бочка серной кислоты. За всё это вы получаете проволоку. Что это значит? Это значит: гоните мне весь этот ассортимент, а я, так и быть, разрешу вам протянуть проволоку. Вот вам и весь ребус. Ясно?

Ясно. Всё ясно. Чем заниматься меной по принципу «я вам — бусы, вы мне — слоנוвую кость», лучше бы протянуть самого директора Атигского завода. Крепко протянуть. И за телеги, и за кубрун, и за мыло, и за серную кислоту, и за такой стиль работы!

ИЗ ЦИКЛА ПОРТРЕТОВ «НЕ ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Рис. В. Горяева

ЗАВМАГ ИВАН КУЗЬМИЧ

— Нет, на войну мне жаловаться грех!
По мирным временам завмаг — простая личность,

А нынче я почти что выше всех,
И все мои дела идут кругом отлично-с.
Куда ни повернусь, повсюду мне почёт;
Семья, родня, друзья души во мне не чают,
И даже незнакомый мне народ
Меня по отчеству с почтеньем величает:
— Иван Кузьмич! Огромнейший привет!
— Иван Кузьмич! Как детки? Как здоровье?..

Я понимаю, куда в этом нет:
Всем нужен шпиг и маслице коровье.
А всё-таки приятно, чорт возьми!
Любой ломает шапку предо мною,
И с самыми почтенными людьми
Я говорю, как с собственной женою.
Талант, известность, слава — это пар!
И даже председатель райсовета
Со мной на «ты». В моих руках — товар!
Ко мне, брат, не подступишь без привета.
Да что привет? Мне важен оборот!
Привет — пустая тара без товара.
Я вам, вы — мне — вот правильный подход.
А нет взаимности — тогда вы мне не пара.
Я человек простой, хитрить я не привык.
Спасибо за привет. Вам что угодно? Масло?
Так вот, мой дорогой, скажу вам напрямик:
Полтыщи папирос — и всё в порядке. Ясно?

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, М. ЗОЩЕНКО, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются. Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал — 1 руб. 60 коп. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва. Изд. № 797.

Подп. к печати 15/XI 1943 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 1. Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000.

А-3817.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 2931. Тираж 100 000 экз.

24

✓

	Период и серии	„Лет серий“	„Журн. лет“
Получ.			
НА КИЕВСКИХ ВЫСОТАХ			
		4/XII	
В			

2720

Рис. Л. Бродяга

23 24 / 43

— Что вы отсюда видите, товарищ капитан?
 — Много разбитых «тигров» и Львов.